

УДК 94(47).046/048+356.113(470–25)(09)+929

«И на боях бились, не щедя голов своих...» (опыт реконструкции истории 18-го московского стрелецкого полка)

М. Ю. Романов

Романов Максим Юрьевич, член Московского краеведческого общества Союза краеведов России, moscovit64@yandex.ru

Статья посвящена воссозданию боевого пути одного из старейших подразделений стрелецкого гарнизона Москвы, учреждение которого в 1550 г. положило начало истории стрелецкого войска. В основу реконструкции легли новейшие архивные данные, в некоторой степени компенсирующие безвозвратно утраченные документы из архива Стрелецкого приказа. Представленный материал составляет исторический фон, позволяющий раскрыть малоизученные вопросы организации стрелецкой службы в XVII в.

Ключевые слова: московские стрельцы, «начальные люди», Замоскворечье, Поволжье, Украина, восстание С. Разина, Азовские походы.

Поступила в редакцию: 20.12.2019 / Принята: 20.02.2020 / Опубликована: 30.06.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

«On the Battles they Fought, not Sparing their Own Heads...» (The Experience of Reconstructing the History of the 18th Moscow Strelets Regiment)

М. Yu. Romanov

Maxim Yu. Romanov, <https://orcid.org/0000-0002-2288-7277>, Moscow Local History Society of the Union of local historians of Russia, d. 18, 3 Myachkovsky bul., Moscow 109652, Russia, moscovit64@yandex.ru

The article is devoted to the reconstruction of the military history of one of the oldest regiments of the strelets garrison of Moscow, the establishment of which in 1550 marked the beginning of the history of the strelets army. The reconstruction was based on the latest archival data, to some extent, compensating for irretrievably lost documents from the archive of the Streletsky prikaz. The presented material is a historical background, allowing to reveal the little-studied issues of the organization of the strelets service in the XVII century.

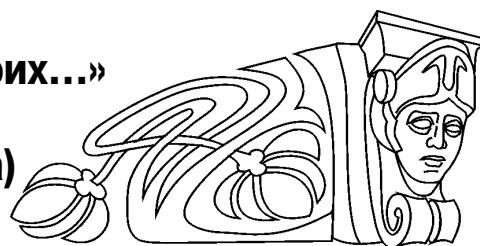
Keywords: Moscow strelets, «initial people», Zamoskvorechye, Volga region, Ukraine, the uprising of S. Razin, Azov campaigns.

Received: 20.12.2019 / Accepted: 20.02.2020 / Published: 30.06.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-149-160>

Отмечаемый в этом году 470-летний юбилей образования стрелецкого войска дает нам дополнительный повод еще раз обозначить малоизученные вопросы его истории. За редким исключением

практически неохваченной вниманием исследователей остается тема реконструкции полковых историй стрелецких частей, входивших в состав гарнизонов приграничных крепостей и большинства административных центров Московского государства.

Как известно, наиболее крупным по численности являлся стрелецкий гарнизон столицы, количество подразделений которого на протяжении большей части XVII в. неизменно увеличивалось. За сравнительно короткий период, с 1631 по 1671 г., их число выросло с 8 до 26 приказов (с 1682 г. – полков), т. е. более чем в 3 раза.

Московские стрельцы оставили заметный след как в истории своего города, так и в рагной летописи страны, став не только неперменными участниками всех важнейших военных кампаний, но и основателями целого ряда новых пограничных укрепленных пунктов. Наиболее полное подтверждение сказанному можно получить, проследив боевой путь каждого из полков, что в совокупности и дает нам объективную картину вклада этой страты московских служилых людей в процесс становления Российского государства. Воссоздание отдельных полковых историй позволяет более детально представить общие тенденции в развитии организации стрелецкой службы, раскрывая ранее неизвестные направления реформаторской деятельности властей, прилагавших значительные усилия для укрепления боевого потенциала русской пехоты.

К числу старейших стрелецких подразделений Москвы относился приказ, расквартированный в замоскворецкой части столицы, вблизи Калужских ворот Земляного города – дерево-земляных укреплений, определявших границы «царственного града». Как и в других городах, московские стрельцы жили отдельными слободами, каждая из которых имела свой приходской храм. В интересующей нас замоскворецкой слободе им являлась церковь св. Апостолов Петра и Павла, документально известная с 1624/25 г.¹ и в дальнейшем неизменно упоминавшаяся в делах патриарших приказов как расположенная в Стрелецкой слободе.

Однако эти сведения не дают нам информации о командирах местного полка, что является ключевым моментом для нашего исследования, так как традиционно стрелецкие подразделения собственных названий не имели, а назывались по именам голов (впоследствии полковников), командовавших ими в определенный период. Поэтому только с

установлением личностей стрелецких командиров и последовательности их замены мы можем получить представление о боевом пути каждого полка.

В отношении приказа, размещавшегося у Калужских ворот в годы царствования Михаила Федоровича, первые сведения о его голове относятся к 1627 г., когда подразделением командовал Сергей Семенов сын Левашов². Эта информация подтверждается и данными из более позднего источника, в котором упоминаются бывшие торговые места стрельцов Сергеева приказа Левашова, находившиеся вблизи Петропавловской церкви на Большой Калужской улице³.

Установление имени одного из первых командиров замоскворецких стрельцов дает нам возможность определить личность его предшественника, хотя здесь мы можем опираться только на косвенные свидетельства. Наиболее значимыми из них становятся сведения из «Дворцовых разрядов», в которых присутствуют полные именные списки московских стрелецких голов за 1623 и 1628 г. Их сопоставление с учетом имеющихся данных о службах упомянутых лиц приводит нас к вполне определенным выводам:

1623, декабрь: Лукьян Мясной, Андрей Жуков, Михаил Рчинов, Афанасий Веков, Путило Резанов, Борис Полтев, Никита Бестужев, Данила Пузииков⁴.

1628, апрель: Лукьян Мясной, Андрей Жуков, Михаил Рчинов, Сергей Левашов, Иван Головленков, Алексей Полтев, Никита Бестужев, Данила Пузииков⁵.

Как видим, к 1628 г. из состава стрелецких голов выбыли Афанасий Веков, Путило Резанов, Борис Полтев, места которых заняли Сергей Левашов, Иван Головленков, Алексей Полтев. Известно, что И. А. Головленков получил назначение «на Путилино место Резанова»⁶, а Б. И. Полтева сменил его сын Алексей⁷. Оставшиеся в строю стрелецкие командиры продолжали руководить своими прежними подразделениями, следовательно, единственным возможным предшественником С. С. Левашова мог быть только Афанасий Веков, которого следует считать первым достоверно установленным командиром местного приказа.

Его головой ярославский сын боярский Афанасий Иванов сын Веков был назначен не позднее осени 1617 г., когда над Москвой нависла угроза вторжения польского войска королевича Владислава. Приказ вошел в состав гарнизона г. Можайска, ставшего последним крупным оборонительным пунктом на пути интервентов к столице. В течение полугода московские стрельцы и другие русские ратники, находившиеся под командованием воеводы Федора Волынского, успешно отбивали атаки поляков и не допустили взятия города. Государь высоко оценил подвиг «можайских сидельцев». 11 сентября 1618 г. последовал указ о пожаловании стрелецких голов А. И. Векова и М. Ф. Рчинова золотыми, пятидесятников и десятников их приказов – золотыми московками⁸.

Тем временем боевые действия продолжались. В те же сентябрьские дни 1618 г. А. И. Векову было поручено совершить рейд из Можайска в направлении Борисова городища «для городского и острожново промыслу». В результате операции, проведенной силами четырех сотен московских стрельцов, государевы ратные люди тот «острог взяли и многих литовских людей побили, и языки многие поймали, и у наряды у больших пищалей колеса и станки пожгли, и острог до основания розорили. И с тово бою с сеунчом прислан голова стрелетцкой Офонасей Веков, и ему дано государева жалованья чарка в 5 рублей, камка добрая, 40 соболей в 20 рублей»⁹.

Последовавший после заключения Деулинского перемирия в декабре 1618 г. период относительного затишья не оставил сколько-нибудь значимых сведений о службах замоскворецких стрельцов, которых к лету 1626 г.¹⁰ возглавил упоминавшийся «беленин» С. С. Левашов. Это был опытный командир, ранее служивший сотенным головой у своих земляков – детей боярских города Белая (1617)¹¹, а затем головой вологодских стрельцов (1623)¹². Известны также имена четырех сотников, состоявших на службе в 1629–1630 гг. в Сергееве приказе Левашова, который имел на тот момент пятисотенный состав. Ими также являлись представители уездного дворянства – Семен Левашов, Кирилл Мосеев (по другим источникам – Мокеев¹³), Малюта Дурышкин, Семен Хомутов¹⁴.

Наиболее важные события, в которых приняли участие замоскворецкие стрельцы под командованием С. С. Левашова, произошли в 1630-е гг. В разгар Смоленской войны, осенью 1633 г., его приказ был включен в состав полка воеводы кн. В. П. Ахамашукова-Черкасского, направленного для обороны отвоеванного у поляков Дорогобужа¹⁵. После отражения попытки неприятеля вернуть утраченную крепость боевые действия, развернувшиеся в ее окрестностях, приняли локальный характер и ограничивались мелкими стычками с разрозненными группами поляков, а также посылками сборных отрядов для поимки «языков». В одной из таких операций отличился пятидесятник левашовского приказа Ивашка Лазарев «с товарищи», сумевшие захватить в плен «литовских людей 7 человек»¹⁶. На «дорогобужской службе» приказ оставался вплоть до окончания военных действий весной 1634 г.

Участившиеся в годы Смоленской войны набеги крымских татар на южные уезды страны потребовали от правительства принятия решительных мер. Одной из них стало возведение новой оборонительной засечной черты. В начале 1637 г. перед воеводой А. В. Бутурлиным была поставлена задача в кратчайший срок воздвигнуть укрепления «на Изюмской сакме, у Яблоннаго лесу»¹⁷. В состав его соединения были включены четыре московских стрелецких приказа, в том числе Сергеев приказ Левашова¹⁸. За несколько месяцев ратниками

Бутурлина был отстроен не только сам острог, но и возведена укрепленная линия до реки Оскол, которая состояла из двух земляных городков, трех острожков и надолбов¹⁹. Наиболее серьезную проверку на прочность новых укреплений их защитникам пришлось выдержать в начале осени. «Сентября в 16 день в другом часу дни пришли Изюмскою сакмою к Яблоннову острогу татар с тысячу человек и больши. И с теми татары был бой...»²⁰, – сообщал в столицу воевода.

Точное время возвращения стрельцов с полковой службы в Москву неизвестно. По-видимому, она завершилась к концу 1637 г. или немногим позже, так как во время проведения весной следующего года городской переписи голова С. С. Левашов лично присутствовал на своем московском дворе и дал необходимые ответы на вопросы переписчиков²¹. Однако не всем его подчиненным удалось тогда благополучно вернуться домой. В частности, сохранилось известие о выходе в октябре 1639 г. из татарского плена двух московских стрельцов – Сергеева приказа Левашова Кирилловой сотни Мокеева Ивашка Аникеева и Михайлова приказа Свищева Яковлевой сотни Савелова Сидорка Васильева. Служилые люди поведали, что были посланы из Яблонева на реку Оскол «для запасов», где и были схвачены крымцами, которые затем продали их «на каторгу бею, и на катарге де они были 2 года»²².

В тот момент бывшие полоняники еще не знали, что многим их однополчанам в этом году пришлось столкнуться с не менее тяжелыми испытаниями. К сожалению, ход кампании 1639 г., когда «на Украине ж для береженья от приходу Крымского царя, и царевичей, и от воинских людей» была развернута крупная группировка русских войск во главе с боярином и воеводой кн. Д. М. Черкасским²³, источники освещают крайне скупо. Из более позднего документа мы узнаем, что на полковую службу тогда были направлены те же четыре приказа, что и в 1637 г., а именно подразделения П. М. Лаврова, М. Г. Свищева, С. С. Левашова и Н. Д. Бестужева, понесшие на этот раз большие потери.

Отрывочные сведения об этой служебной посылке содержатся в одной из расходных книг Патриаршего Казенного приказа, в которой присутствует запись от 15 февраля 1641 г. о выдаче денег стрельцким женам, у которых «мужья взяты в полон во 1638/39 году: Петрова приказу Лаврова тридцати двум человеком, Богданова приказу Озеренского дватцати пяти человеком, Тарасова приказу Суворова дватцати семи человеком, Микитина приказу Безстужева тридцати четырем человеком – всего сту осмнатцати человеком по три алтына по две денги человеку»²⁴. Документ не содержит данных об убитых и раненых, но очевидно, что потери стрельцов были значительны.

Обратим внимание, что запись сделана в 1641 г., когда в двух приказах уже были проведены замены командиров. Прямых указаний на эти

кадровые решения мы не имеем, но ряд косвенных данных позволяет утверждать, что на место М. Г. Свищева назначение получил Б. Е. Озеренский, а новым головой бывшего Сергеева приказа Левашова стал Тарас Степанов сын Суворов. Так, в боярском списке 1638/39 г. помета «у стрельцов» напротив имени дворянина московского Михаила Свищева была зачеркнута, а в списке 1640/41 г. зафиксировано распоряжение об определении Свищева на службу «з городом по Кошире»²⁵. Числившаяся в составе его бывшего приказа и упоминавшаяся выше Яковлева сотня Савелова позднее уже значилась в Богданове приказе Озеренского²⁶.

Бывший стрелецкий голова С. С. Левашов в 1640 г. находился на воеводстве в Темникове²⁷. Дату его отставки мы можем определить лишь примерно – это 1639/40 г., так как к этому же году относится последнее упоминание в прежнем чине его преемника – Т. С. Суворова, до своего нового назначения служившего сотником у московских стрельцов²⁸. Его подчиненные, как и ранее, в свободное от службы время продолжали активную трудовую деятельность в Замоскворечье, работая по найму в местных кузницах и торгуя вблизи своей слободы²⁹.

В 1642/43 г. Тарасов приказ Суворова был отправлен на городскую службу в Астрахань, которая обычно длилась 2 года. В связи с этим петропавловские священники били челом о снятии с их прихода церковной дани. Патриаршая администрация пошла навстречу подателям прошения и в последующие два года подать не взималась. Необходимо отметить, что существовавшие на тот момент размеры ежегодной дани были определены указом патриарха Филарета 1632 г. о реформе окладного обложения приходских церквей, по которой для прихожан стрелецких храмов устанавливалась следующие подворные оклады:

стрелецкие головы и сотники – 6 денег;
пятидесятники и десятники – 4 деньги;
рядовые стрельцы – 2 деньги³⁰.

Следовательно, при традиционном пятисотенном составе стрелецких приказов общая сумма дани составляла немногим более 5 руб. на каждое подразделение. При голове С. С. Левашове попы местного приказа выплачивали 5 руб., 6 алтын, 2 деньги, но после проведения переписи церковных земель в том же 1642/43 г. к прежнему окладу была прибавлена дополнительная сумма в размере 1 руб., 3 алтын, 2 денег. Впоследствии после возвращения с «пониженной службы» новая шестирублевая дань выплачивалась прихожанам церкви Петра и Павла у Калужских ворот вплоть до 1650 г.³¹

За этими расчетами скрывается фактически не изученная еще тема начального этапа реформирования московского стрелецкого корпуса, осуществлявшегося на рубеже 1630–40-х гг., когда для большинства приказов был установлен новый штатный состав, предполагавший наличие в каждом подразделении шести сотен стрельцов. К этому же периоду относятся и отрывочные сведе-

ния об активном обучении московских стрельцов «солдатскому строю»³².

Значительный интерес, прежде всего в краеведческом аспекте, представляет дошедшая до нас информация о старинном артефакте, почти три столетия хранившемся в одной из астраханских городских церквей. Его появление здесь напрямую связано с «понизовой службой» Тарасова приказа Суворова. Речь идет о серебряном кресте, на котором еще в 1635/36 г. была сделана надпись: «Сей крест дали вкладу св. Апостол Петра и Павла, что за Москвою рекою за Колуски ворота стрельцов пятьсот человек по своим родителям»³³. Не вызывает сомнения, что эта реликвия стала даром замоскворецких стрельцов своим астраханским сослуживцам и была преподнесена одним из приказных священников от лица всего подразделения в одноименный храм местной стрелецкой слободы.

Последняя служебная посылка Т. С. Суворова со своими стрельцами на полковую службу состоялась в октябре 1646 г. В Карпов на зимнее «сторожевь» с боярином и воеводой В. П. Шереметевым были определены дети боярские и казаки украинских городов, тысячный драгунский полк, а также головы стрелецкие «Тарас Суворов, Воин Глазатой, восемь человек сотников, а с ними 1139 московских стрельцов»³⁴. Несколько выходя за рамки нашей темы, отметим, что в это же время в недавно отстроенном при участии замоскворецких стрельцов Яблоновском остроге, входившем вместе с Карповым в единый оборонительный рубеж, уже на постоянной основе службу несли стрельцы и казаки приказа Малюты Дурьшкина³⁵, ранее служившего сотником в левашовском приказе.

По окончании полковой службы весной 1647 г. Т. С. Суворов был отставлен из стрелецких голов и к маю того же года уже находился на воеводстве в Юрьеве-Польском³⁶. Сменил его Петр Дементьев сын Образцов, до этого имевший опыт командования одним из московских стрелецких приказов. Его новым подчиненным, как и ему самому, довелось стать свидетелями, а возможно, и участниками драматических событий, произошедших в Москве в начале июня 1648 г. и вошедших в историю под названием «Соляной бунт». Точных данных на этот счет нет, хотя высказанное наблюдение подтверждается участием представителя приказа в работе Земского собора (сентябрь 1648 – январь 1649 г.), созванного по следам восстания. Рукоприкладство, сделанное от его имени старшим приказным писарем, стоит под текстом Соборного Уложения – «Петрова приказу Дементьевича Образцова пятисотной дьячок Федька Уваров вместо выбарново пятидесятника тово ж приказу Василья Григорева сына Толмачова по ево веленью р.п.»³⁷.

Знаковым событием в истории замоскворецкой стрелецкой слободы стало возведение в 1651 г. каменного храма на месте старого деревянного. По этому случаю на его стене была выбита надпись: «Лета 7157 [1649] году апреля в 16 день зачата сия каменная церковь строить святых верховных

Апостол Петра и Павла и в пределах великого чюдотворца Николы и Алексия человека Божия при державе благовернаго и христоролюбиваго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всеа Руси самодержца и при великом господине светейшем патриархе Никоне, а совершена и освящена сия церковь 159 году генваря в 24 день, а строили стрельцы Петрова приказу Дементьева Образцова пятидесятники и десятники и рядовые 200 человек»³⁸. Видимо, в их число вошли наиболее состоятельные члены стрелецкой приходской общины.

Важные сведения для воссоздания последующей истории полка были озвучены на заседании круглого стола, посвященного «Актуальным вопросам изучения истории стрелецкого гарнизона Москвы», которое состоялось в мае 2018 г. в музее «Стрелецкие палаты» РВИО. Их представил И. Б. Бабулин – один из ведущих специалистов по военной истории России XVII в. В частности, в своем докладе «Московские стрелецкие приказы в 1654–1655 гг.» исследователь привел данные о том, что накануне начала очередной русско-польской войны (1654–1667) Петров приказ Образцова, находился на городской службе в Вязьме.

Это случайное обстоятельство определило его дальнейшую трагическую судьбу. Замоскворецкие стрельцы не были включены в состав русского войска, готовившегося к выступлению в Смоленский поход, и остались на гарнизонной службе в столице. Здесь им пришлось разделить печальную участь большинства горожан, погибших в дни «морowego поветрия», обрушившегося на Москву летом 1654 г. В октябре кн. И. А. Хилков, управлявший городом в этот сложный период, докладывал государю: «... А голов... стрелецких на Москве Моковей Полтев да Петр Образцов, а голова Лаврентий Капустин лежит болен; а сотников стрелецких ныне на Москве 9 человек, да Московских стрельцов шести приказов 277 человек, да городовых стрельцов тех же шти приказов 162 человека...»³⁹.

Фактически один из старейших московских стрелецких приказов прекратил свое существование, хотя его история не прервалась, так как к зиме 1656 г. личный состав подразделения удалось восполнить новобранцами. В этой связи при определении частей, намечаемых для участия в Рижском походе 1656 г., Алексей Михайлович лично распорядился: «Голове Стрелецкому Петру Образцову с приказом быти на Москве, потому что приказ у ниво прибран вновь»⁴⁰.

Ситуация, сложившаяся вокруг Петрова приказа Образцова в середине 1650-х гг., обращает нас к теме функционирования системы «номерного старшинства» московских стрелецких полков, действовавшей на протяжении второй половины XVII в. Все эти десятилетия бывший приказ П. Д. Образцова неизменно занимал 18-е место в росписях частей стрелецкого гарнизона Москвы. В свое время автору довелось высказать предположение, что именно последствия «морowego поветрия» 1654 г. определили явно низкий по статусу номер

полка, хотя и относившегося к числу старейших⁴¹. Однако сведения, приведенные И. Б. Бабулиным в его новейшем исследовании, побуждают совершенно иначе взглянуть на данный вопрос. Следует процитировать мнение историка, высказанное им в мае 2018 г. на заседании круглого стола, посвященного «Актуальным вопросам изучения истории стрелецкого гарнизона Москвы»: «... «Старшинство», как правило, было связано со временем формирования того или иного приказа (чем «старее» полк, тем почетнее занимаемое им место). Анализ источников позволяет сделать вывод о том, что в силу существовавшего местничества, уже, по крайней мере, с 1652 г. во всех сохранившихся «официальных списках» стрелецкие приказы приводятся в порядке «старшинства номеров», т. е. система «старшинства» приказов сложилась до 1654 г. Служебный статус того или иного приказа (полка) напрямую зависел от места, которое он занимал в иерархии московского стрелецкого войска».

Таким образом, причины присвоения Петрову приказу Образцова самого низкого номера на момент создания системы служебного старшинства московских приказов, которых в 1651 г. насчитывалось именно восемнадцать⁴², следует объяснить какими-то иными обстоятельствами. Возможно, ответ кроется в событиях 2 июня 1648 г., когда стрельцы, стоявшие на карауле в Кремле (обычно на стенной караул в полном составе назначался один из приказов) вступили в схватку со слугами начальника Стрелецкого приказа Б. И. Морозова, а затем сами приняли участие в разгроме кремлевского подворья боярина⁴³. Надеемся, дальнейшие исследования смогут пролить свет на этот частный, но принципиально важный для истории московского стрелецкого корпуса вопрос.

1656 г. ознаменовался очередной сменой командира 18-го приказа, которым стал Иван Федоров сын Полтев⁴⁴. Однако его головой он оставался недолго и к лету следующего года был заменен Андреем Семеновым сыном Коптевым, до этого руководившим другим стрелецким подразделением. Непродолжительный срок командования И. Ф. Полтева, скорее всего, объясняется жалобами новоприбранных стрельцов на самоуправство командира. Аналогичные отставки произошли в это же время и в некоторых других частях.

Как и в случае с большинством предшественников А. С. Коптева, мы не имеем прямых документальных свидетельств о его назначении на место И. Ф. Полтева, но целый ряд источников позволяет совершенно определенно локализовать его приказ как размещавшийся в Замоскворечье. Однако главным доводом выступает тот факт, что в одной из росписей московских стрелецких приказов, датированной 1667 г., его подразделению отведено именно 18-е место. Этот источник является своего рода итоговым документом, в котором был обобщен вклад стрелецких начальных людей, принявших участие в русско-польской войне 1654–1667 гг.: «А пожаловал Государь их, голов и полуголов и

сотников за их многие службы, что были они в иво государских походах на польского и на швейского королей. А они ж были на ево ж, Великого государя, службе в розных полках з бояры и воеводы, и на боях бились, не щедя голов своих, и стрельцов выучели всякому ратному строю...»⁴⁵. В их число вошли И. Ф. Полтев и А. С. Коптев, получившие в виде награды по 10 аршин атласу, а также «за ковши деньгами по одиннадцати рублев по тринадцати алтын по две деньги». Сотникам Андреева приказа Коптева – Михаилу Бабаеву, Федору Исакову, Родиону и Прокофию Коршиковым, Петру Сукачеву, Григорию Котеневу, Артемию Шершавину – было дано «по четыре аршина тафты розных цветов»⁴⁶.

За общими словами об участии стрелецких командиров в различных походах сокрыт многолетний ратный труд тысяч рядовых служилых людей, в том числе замоскворецких стрельцов. О боевом пути 18-го приказа в годы войны в настоящее время известно немного. Из послужного списка головы А. С. Коптева, частично отраженного в более поздних пометах, присутствующих возле его имени в боярской книге 1658 г., мы узнаем об участии приказа в «ливонской службе» 1659 г. с воеводой кн. И. А. Хилковым, а также о «литовских службах» 1659/60 и 1660/61 гг.⁴⁷ На протяжении года, начиная с июля 1662 г.⁴⁸, коптевские стрельцы находились на гарнизонной службе в Смоленске⁴⁹, а в 1665 г. несли службу в составе полка Новгородского разряда боярина и воеводы кн. И. А. Хованского, ставка которого размещалась в Пскове⁵⁰.

К осени 1666 г., видимо, после кратковременного пребывания в столице, замоскворецкие стрельцы совместно со сборным подразделением общей численностью 1107 человек были отправлены на службу в Казань. Их возвращение состоялось в июне следующего года. К этому моменту было приурочено пожалование рядовых стрельцов «киндяками» по случаю рождения царевича Иоанна Алексеевича, которое в отношении других приказов, находившихся в Москве, было проведено еще в сентябре⁵¹. Последующие три года подразделение оставалось в столице на гарнизонной службе.

Летом 1670 г. Андреев приказ Коптева был включен в состав крупного соединения воеводы кн. П. С. Урусова, формировавшегося для посылки в «понизовые города» для борьбы с «воровскими казаками» Степана Разина⁵². В конце августа войско достигло Нижнего Новгорода, где пехота должна была получить суда для дальнейшего продвижения на юг. Андрееву приказу Коптева были выделены 8 морских стругов и «на волской ход ясаульных» 6 стругов⁵³.

Тем временем, еще в июне, в Царицын прибыл полуголова Васильева приказа Пушечникова Василий (Дмитрий) Иванов сын Лаговчин, которому было поручено провести смотр наличных сил гарнизонов ряда поволжских городов, а также «всех ратных людей о здоровье спросить и службу их похвалить». Ему же в обязанность вменялось извещать Москву о текущем положении дел⁵⁴.

По-видимому, осенью, не позднее начала октября 1670 г., уже находясь в Казани, полуголова получил распоряжение возглавить бывший Андреев приказ Коптева, командир которого получил отставку, скорее всего, по причине болезни. Вверенное Лаговчину подразделение было включено в состав полка воеводы кн. Д. А. Барятинского, направленного для очищения от бунтовщиков Свияжска, Цивильска, Чебоксар и Козьмодемьянска.

Особенно упорные бои развернулись 3 ноября у стен Козьмодемьянска, который государевым ратным людям пришлось брать приступом⁵⁵. На время крепость стала главным опорным пунктом воеводы, пытавшегося относительно мягкими мерами добиться усмирения всего уезда. Но в ночь на 16 ноября у стен города неожиданно появился отряд повстанцев во главе с атаманом Иваном Константиновым. Разинцам удалось поджечь одну из пригородных слобод, однако стремительная контратака стрельцов Васильева приказа Лаговчина и шквადроны Первого выборного солдатского полка позволила отбить натиск «воровских людей» и не допустить распространение пожара. Развивая успех, стрельцы и солдаты навязали противнику ночной бой и добились его полного поражения. В плен было взято 30 человек, а трофеями стали 7 знамен и 2 пушки.

Довольно значительными были потери и правительственных войск. В боях под Козьмодемьянском замоскворецкие стрельцы потеряли убитыми 7 человек, в том числе сотника Ивана Аристову, ранеными – 14 человек⁵⁶. К началу следующего года в строю находились 403 рядовых стрельца, 40 десятников, 9 пятидесятников, а также полуголова (заместитель командира приказа) и 5 сотников⁵⁷.

Примерно к этому времени относится составление так называемого «белокуровского списка» – полной росписи подразделений стрелецкого гарнизона Москвы, насчитывавшего в тот момент 24 приказа. Уникальность документу придает наличие в нем описания цветов кафтанов каждого подразделения. Приказу В. И. Лаговчина в росписи отведено, соответственно, 18-е место. «Цветные кафтаны» его стрельцов имели красно-малиновый окрас⁵⁸. История появления этого документа еще ждет своего исследователя, и нельзя исключать, что он был составлен в Москве при отсутствии большинства стрелецких частей как проект будущего пожалования стрельцов тканями за их вклад в подавление разинского бунта.

Однако боевые действия продолжались и к осени 1671 г. Они переместились в низовья Волги, где перед царскими воеводами стояла задача освобождения от повстанцев Астрахани. Руководить осадой города было поручено боярину И. Б. Милославскому, в распоряжении которого среди прочих ратных людей находился и Дмитриев (Васильев) приказ Лаговчина. 27 ноября бунтовщики смирились с неизбежностью поражения и отворили крепостные ворота, и именно командиру

замоскворецких стрельцов было поручено доставить в Москву сеунч об одержанной победе⁵⁹.

В следующем году состоялось пожалование участников похода из числа стрелецких голов, которые получили существенные придачи к их поместным и денежным окладам. При этом в документе после перечня имен начальных людей и указания размеров их придач присутствует не совсем ясное дополнение – «да в приказ дать по камке адамашке, по сороку соболей ценою по осмидесят рублев сорок»⁶⁰. Возможно, речь идет о предоставлении командирам права провести награждение тканями и мехами своих сотников или особо отличившихся подчиненных.

К периоду пребывания Васильева приказа Лаговчина в Москве после возвращения из Поволжья относится один из немногих дошедших до нас уникальных чертежей XVII в., на котором была зафиксирована застройка северной части Замоскворечья в районе «улицы Большой к Калужским воротам». Здесь, в приходе церкви Благовещения пресв. Богородицы, что в Панской, и находился двор стрелецкого головы Дмитрия Лаговчина. Но для нас более важно, что совсем рядом, к востоку от той же церкви, отмечены дворы стрельцов его приказа⁶¹. На чертеже зафиксирована лишь небольшая часть Стрелецкой слободы, которая исконно располагалась на противоположной стороне улицы и относилась к приходу старинного храма св. Апостолов Петра и Павла.

Согласно чертежу под стрелецкие дворы была отведена часть белой земли Панской слободы, некогда предназначавшейся под расселение выходцев из Речи Посполитой. Произошло это, скорее всего, в конце 1650-х гг., когда численность московских приказов была увеличена до новых штатов – «тысяшных» и «семисотных». К числу последних относился и Дмитриев приказ Лаговчина⁶².

Однако на деле ситуация с наполнением личного состава стрелецких подразделений до установленной численности была не столь оптимистичной. По данным участника шведского посольства в Россию 1674 г. Э. Пальмквиста, приказ Лаговчина (Lagoffskin) насчитывал всего 600 человек. Сделанная им для своего донесения уникальная зарисовка 14 стрелецких знаменщиков отразила сведения о наличном составе стрелецкого гарнизона в период пребывания посольства в Москве и в значительной степени подтвердила данные о цветах кафтанов, содержащиеся в «белокуровском списке». Изображенный на рисунке знаменщик приказа Лаговчина одет в кафтан темно-красного цвета, имевший зеленую подкладку. В комплект униформы стрельца входили также зеленая шапка и желтые сапоги.

Рисунок дает нам представление и об одном из знамен 18-го приказа. По среднику полотнища, сшитого из ткани красного цвета, располагался голубой прямой крест, по сторонам от которого были помещены устремляющиеся к центру крупные

змеевидные «признаки». Кайма имела белый цвет с зелеными квадратными вставками на углах⁶³. Скорее всего, знамя являлось сотенным, так как в 1670-е гг. на «головиных» (приказных) знаменах обычно уже присутствовало иконописное изображение. Впрочем, и данный вопрос требует более глубоких исследований.

Тезис о наблюдавшихся в годы русско-турецкой войны 1672–1681 гг. трудностях с набором новобранцев на места «выбылых» стрельцов находит подтверждение и в данных, отражающих численность Васильева приказа Лаговчина, включенного в мае 1675 г. в состав соединения боярина и воеводы П. В. Шереметева⁶⁴. Оно должно было выдвинуться на Украину в связи с ожидаемым возобновлением боевых действий. В ходе кампании приказ был непосредственно подчинен кн. М. Г. Ромодановскому – «товарищу» воеводы Белгородского полка кн. Г. Г. Ромодановского. Вместе с командиром 18-го приказа в поход выступили полуголова Илья Дуров и семь сотников – Прокофий Коршиков, Иван Чичагов, Александр Медветцкой, Никифор Гринев, Савва Анненков, Василий Сверчков, Марк Котенев. Под их началом находилось 500 стрельцов «да в поддаче даточных двести человек». Полковая артиллерия насчитывала «медных семь пушек»⁶⁵. Смысл использованного в документе термина «даточные» до конца не ясен. Возможно, в данном случае речь идет о попытке властей временно восполнить образовавшиеся в рядах 18-го приказа вакантные места «зборными людьми».

Предпринятый в 1675 г. русским войском поход на Правобережную Украину так и не привел к столкновению с османами из-за неготовности Речи Посполитой к совместным действиям, предполагавшимся ранее. 18-й приказ был возвращен в Москву, где состоялось пожалование его командира более высоким чином «полковника и головы московских стрельцов», введенного в практику стрельцовой службы еще в 1655 г. В новом чине Д. И. Лаговчин уже упоминается во время нахождения его приказа в составе Путивльского полка воеводы кн. В. В. Голицына⁶⁶ летом – осенью 1676 г.⁶⁷ 5 марта следующего года Лаговчин, выслуживший к этому времени и придворный чин стольника, был «от голов отставлен»⁶⁸. Карьерный взлет бывшего стрельцкого командира заостряет наше внимание на еще одном недостаточно освещенном в историографии вопросе о взаимосвязи иерархии военных и придворных чинов, наблюдавшейся в этот период.

О преемнике бывшего командира 18-го приказа мы узнаем из рядового следственного дела, разбиравшегося позднее в Стрелецком приказе. В нем, в частности, рассматривался вопрос о личности бывшего стрельца Саввино-Сторожевского монастыря Фомки Иевлева. Руководство ведомства интересовало: «... В прошлом во 181-м году ... в Дмитриев приказ Лаговчина, что ныне Федоров приказ Мещеринова, за какую вину приверстан?»⁶⁹. Подобные указания на произведенные

ранее замены начальных людей, в большинстве своем случайного происхождения, также являются для нас важными при реконструкции историй отдельных частей.

Перемена командиров 18-го приказа совпала с моментом назначения подразделения на очередную службу. 26 марта 1677 г. было принято решение «быть не его Великого государя службе в Чигирине головам московских стрельцов Григорью Титову да Миките Борисову да полуголове Илье Дурову с приказом». По-видимому, к моменту выдвижения на Украину новый командир еще отсутствовал в Москве, так как именно И. Дурову было адресовано распоряжение о получении в Севске необходимых полковых запасов, где они были оставлены по окончании службы в 1676 г. Полковую артиллерию в количестве тех же семи орудий полуголове предписывалось получить в Москве. Скорее всего, голова Федор Алексеев сын Мещеринов нагнал своих новых подчиненных в пути или присоединился к ним непосредственно в Чигирине, где на службе к лету вместе со старшими начальными людьми находились 7 сотников и 716 рядовых стрельцов⁷⁰.

Чигиринская кампания 1677 г. и ее ключевой эпизод – героическая оборона крепости русско-украинским гарнизоном – получили достаточно полное освещение как в сообщениях современников и участников тех событий, так и в новейших исследованиях по истории русско-турецкой войны 1672–1681 гг. Практически все авторы единодушно отмечали активные действия осажденных, осуществивших в том числе две смелые вылазки. В составе подразделений, принявших в них участие, действовал и сводный отряд стрельцов Федорова приказа Мещеринова, который в обоих случаях возглавлял полуголова Илья Дуров.

Особенно эффективной оказалась вылазка, предпринятая в начале августа. Как сообщал участник обороны полуголова А. М. Лужин, «... в девятом числе ходил на вылазку полуголова Илья Дуров с сотниками, а с ним стрельцов с 600 человек, а из Нижняго города казаков человек с 500. И божию милостию, и его великого государя счастьем неприятельских людей из ближних шанцов ручными гранатами выбили, и кололи их копьями, и гнали их, и рубили...». В ходе боев, продлившихся до конца лета 1677 г., приказ Мещеринова потерял убитыми 36 человек, ранеными – 101, включая двух сотников⁷¹.

После возвращения с «чигиринской службы» приказ недолго оставался в столице и весной 1679 г. вошел в состав соединения окольного кн. Г. А. Козловского – «товарища» воеводы полка Казанского разряда кн. М. Ю. Долгорукова. Полк являлся частью группировки русских войск, выдвинутых на Украину по случаю ожидавшегося наступления турок на Киев. К этому моменту численность «семисотенного» приказа стольника и полковника Ф. А. Мещеринова, несмотря на недавно понесенные потери, была не только полностью восполнена, но и достигла своего

максимального значения – 725 человек. Позднее такой численности подразделение более не имело. К берегам Днепра приказ прибыл к концу июля, при этом по пути количество его стрельцов сократилось до 679 человек⁷².

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что в документах, освещающих подготовку русского войска к кампании 1679 г., именование чинов командиров стрелецких частей приводится в соответствии со вновь установленной формой – «стольник и полковник», хотя в отношении их заместителей употреблялось прежнее понятие «полуголова». Сохранялось и старое именование командиров сотен. Скорее всего, именно к 1678/79 гг. и следует отнести начало «чиновной» реформы в стрелецкой службе, наиболее полно отразившейся в известном указе 1680 г., запрещавшем называть бывших голов, полуголов и сотников прежними чинами и устанавливавшим для всех обязательное их именование «против иноземского чину»⁷³, т. е. полковниками, полуполковниками (подполковниками) и капитанами. При этом производство в старшие чины, по-видимому, стало предполагать автоматическое пожалование назначенных лиц придворными чинами стольников. Такая практика была распространена не только на московских, но и на стрелецких командиров ряда крупных городов. Однако и в данном случае мы вынуждены констатировать недостаточную изученность вопроса.

В это время приказ стольника и полковника Ф. А. Мещеринова находился в столице, где оставался вплоть до определения его на «пониговую службу» в начале 1682 г. Выдвижение в Астрахань состоялось не позднее середины апреля этого года, так как в последовавших в конце месяца событиях, положивших начало первому стрелецкому восстанию, стрельцы 18-го приказа участия не принимали. На Низ убыло 662 человека, которым к «сергиевскому сроку» (25 сентября) полагалось выплатить полугодовое денежное жалованье в размере 1695 руб. – пятидесятиникам по 3 руб. с полтиной, десятиникам по 3 руб., рядовым по 2 руб. с полтиной⁷⁴.

Насколько своевременно было выполнено это распоряжение, неизвестно, хотя в условиях только начинавшего утихать стрелецкого восстания контроль над его исполнением имел важное значение для недопущения волнений в частях, находившихся на дальних службах. Вести о кровавых событиях в столице и уступках, сделанных властями служилым людям, достигли «пониговых городов» к осени. 10 октября около 300 стрельцов полка Мещеринова собралось у соборной церкви и потребовали у астраханских воевод отпустить в Москву группу выборных, которым было поручено от имени всего полка бить челом «о заслуженном жалованье». Опасаясь «шатости», воеводы разрешение дали, но требование о предоставлении струга отклонили и наперед отправили гонца с известием о произошедшем.

Пока выборные в количестве 10 человек во главе с пятидесятником Давыдом Ларешниковым

неспешно продвигались к столице, в ряд городов, стоявших на их пути, поступило распоряжение о задержании посланцев. В конце ноября стрельцы были арестованы тамбовским воеводой, который позднее получил указание всех их «написать в Козлове в службу, и жен их и детей послать к ним»⁷⁵.

В конце 1682 г. в Москву пришло также известие о нападении на Волге ниже Астрахани, «за Царевой протокой», юртовских татар на отряд государевых ратных людей – «охотников», возвращавшихся с «воинского промыслу на тех же Едисанцев и на Энбулуков». В том бою погибли 46 стрельцов Федорова приказа Мещеринова и более 200 астраханских и казанских служилых людей. Нападавшие не ограничились только расправой над попавшими в засаду русскими ратниками, но и «надругались всячески, груди пороли и естество отрезывая в рот вкладывали»⁷⁶.

К концу 1683 г. руководство Стрелецкого приказа, предпринявшее ранее ряд решительных мер по чистке стрелецких рядов от разного рода «смутьянов», разработало план проведения аналогичных мероприятий и в отношении полков еще оставшихся на службах в дальних городах и подлежащих замене. Реализовать его предполагалось не сразу, а «впредь, усмотря времени». Планировалось также образовавшееся в этих подразделениях «малолюдство» восполнить «добрыми людьми» за счет стрельцов четырех полков, намеченных к расформированию⁷⁷.

Возвращение сильно поредевшего полка Мещеринова из Астрахани состоялось не ранее весны 1684 г. Сведений о каких-либо конкретных решениях властей в отношении этого подразделения пока не обнаружено, но можно с уверенностью говорить о том, что часть замоскворецких стрельцов была признана неблагонадежной и выслана на службу в другие города, а «пушие заводчики» из их числа в количестве 10 человек «за непристойные слова» сосланы в Сибирь⁷⁸.

Планы руководства Стрелецкого приказа по доукмплектованию 18-го полка за счет одного из «раскассованных» подразделений были реализованы к 1686/87 г. К этому времени новым командиром замоскворецких стрельцов стал стольник и полковник Семен Лаврентьев сын Капустин, имя которого, следуя давней традиции, на определенный период дополнило название местного слободского храма – церкви Петра и Павла, стоявшей теперь на стрелецкой земле «Капустина полку»⁷⁹.

Политический кризис 1689 г., связанный с противостоянием царевны Софьи и ее сводного брата Петра, в исходе которого в пользу «второго царя» стрелецкий гарнизон Москвы сыграл решающую роль, обошел 18-й полк стороной. В это время он находился на гарнизонной службе в Киеве. Вместе с полковником на Украину убыли подполковник Михаил Протопопов, сотники Ларион Нелибухтин, Савва Анненков, Осип Белоцерковцов и Никита Новокрещенов⁸⁰. В подчинении у них находились 585 стрельцов. В силу

малочисленности полка к нему был временно прикомандирован отряд елецких солдат. По истечении года, к моменту возвращения подразделения в столицу, его состав сократился на 30 человек, из которых половина скончалась от болезней, а еще 15 человек со службы сбежали⁸¹.

Сообщения о бегстве стрельцов с различных служб довольно часто встречаются в документах второй половины XVII в., что, на наш взгляд, было связано с отходом от традиционной системы набора в стрелецкие ряды добровольцев и переходом к набору даточных, т. е. фактически к рекрутским наборам, что неизбежно сказывалось на морально-психологическом состоянии многих новобранцев, не всегда оказывавшихся готовыми к трудностям и лишениям ратной службы.

И все же вплоть до конца XVII в. столичные стрелецкие полки продолжали составлять элитную часть русской пехоты, хотя все большая роль при ведении боевых действий стала отводиться солдатским полкам. Во время 1-го Азовского похода 1695 г. Семенов полк Капустина численностью 580 человек находился в составе соединения генерала П. И. Гордона⁸² и в основном был занят возведением осадных укреплений и отражением вылазок защитников крепости. При одном из обстрелов со стороны осажденных полковник С. Л. Капустин получил ранение, от которого скончался 1 сентября⁸³. С этого момента командиром подразделения стал его заместитель – стольник и подполковник Михаил Иванов сын Протопопов, позднее получивший повышение в чине.

Предпринятые попытки овладеть Азовом в конечном счете оказались безрезультатными, и вскоре русское войско было вынуждено отступить. Практически сразу же по прибытии в Москву началась подготовка к новой кампании. От этого периода до нас дошел один из наиболее ценных источников, проливающих свет на организационную структуру московских стрелецких полков, сложившуюся в последней четверти XVII в.

Согласно «Списку воинских чинов и военного снаряжения в стрелецких полках генералов П. И. Гордона и А. М. Головина» в подчинении у полковника М. И. Протопопова находились подполковник Иван Васильев сын Протопопов, капитаны Савва Купреянов сын Анненков, Никита Меркульев сын Новокрещенов, Дементий Прокофьев сын Барыбин, Андрей Григорьев сын Аносов, Богдан Семенов сын Кочюков, Алексей Власьев сын Котенев, «да в прибавку Кузма Матвеев сын Филипов», рядовых стрельцов 579 человек, «да в поддаче из салдат 30 человек», к которым было прибавлено еще 10 человек. Общая численность полка составляла на тот момент 619 человек. В распоряжении полковника находилось всего два орудия – «пищаль медная, пищаль верховая с станки и с колесы».

В отличие от 574 рядовых служилых людей, включая десятников и солдат, а возможно, и низших административных чинов – сотенных (сотенных дьячков), вооруженных «самопалами», прочие

стрельцы были вооружены только холодным оружием – «15 человек барабанщиков с барабаны, 6 человек знаменщиков з знамены», скорее всего, имели только сабли, а «достальные пятисотные, пятидесятники, подзнаменщики, пушкари 24 человека с копьи». Необходимо отметить, что согласно штату 1689 г. каждый полк имел только одного пятисотенного (ранее пятисотного дьячка), а также одного пристава⁸⁴ – полкового порученца по административно-судебным делам. Видимо, для краткости они были объединены в одну статью.

Исходя из реальной численности полка, имевшего, судя по всему, с середины 1680-х гг. всего 6 постоянных рот (сотен) неполного состава, мы получаем на каждую роту по два пятидесятника и по одному «подзнаменщику», а также четырех пушкарей, состоявших при двух орудиях. Седьмая рота, возглавляемая прикомандированным капитаном, вероятно, имела сводный состав и была укомплектована в основном приданными солдатами.

Документ содержит уникальное описание шести ротных знамен: «Знамя тафтяное земля черная крест белой кайма рудожелтая, 4 знамени тафтяных земля таусинная кресты белые, знамя тафтяное земля алая крест белой кайма розных цветов». Описания знамен полковничьего и подполковничьего отсутствуют, из чего следует, что вновь назначенные старшие командиры 18-го полка в тот момент таковых не имели и их функцию выполняли знамена первых рот, которые возглавляли ветераны подразделения – капитаны С. К. Анненков и Н. М. Новокрещенов. Знамя седьмой роты, возможно, выданное полку из хранилищ одного из военных ведомств в связи с ее формированием, было оставлено при отступлении из-под Азова «в новопостроенном городке Сергиеве»⁸⁵. Видимо, это было связано с передачей части полкового имущества сборному соединению стрельцов, оставленному в захваченных у турок каланчах, получивших после возведения дополнительных укреплений название Новосергиевский город⁸⁶.

Накануне очередной военной кампании всем стрельцам было выдано положенное полугодовое денежное жалованье – «пятидесятником по четыре рубли, десятником по три рубли с полтиною, рядовым по три рубли человеку». Годовые денежные оклады их начальных людей составляли на тот момент: у капитанов – 12 руб., у подполковников – 45 руб., у полковников – 150 руб.⁸⁷

В новый поход Михайлов полк Протопопова выступил в апреле 1696 г. и был непосредственно подчинен, как и ранее, генералу П. И. Гордону. Совместно с Ивановым полком Черного он выполнял задачу по сопровождению хлебных запасов⁸⁸. К началу июня царские полки достигли низовьев Дона и в кратчайший срок провели масштабные земляные работы, подступив «привалом» к стенам Азова. Началась планомерная осада, завершившаяся капитуляцией турецкого гарнизона 19 июля.

По случаю одержанной виктории государь приказал организовать в Москве триумфаль-

ную встречу победоносного войска. 28 сентября 18-й полк прошествовал в общем строю сквозь толпу ликующего народа и ряды сослуживцев, приветствовавших победителей залпами из мушкетов в воздух. По завершении торжеств, следуя старинной традиции, все солдаты и стрельцы – участники похода – были пожалованы золотыми московками⁸⁹.

После годового пребывания в столице в 1698 г. замоскворецкие стрельцы были вновь определены на «азовскую службу» и влились в состав местного гарнизона. Здесь их и застала весть о бунте собратьев из четырех полков, недавно покинувших Азов и предполагавших возвращение в свои дома после долгой и трудной службы, но вопреки ожиданиям получивших указание выдвинуться к западной границе. Отголоском кровавых казней, последовавших сразу же после подавления мятежа, стал указ 1698/99 г. о роспуске стрелецких полков, находившихся в Азове, по которому стрельцам позволялось записываться в посадские жители других городов, кроме Москвы, «кто в который город похочет». В те же места из столицы в массовом порядке переселялись семьи опальных служилых людей «стрелецкого чину»⁹⁰.

На этом история 18-го московского стрелецкого полка была завершена. Его бывшие начальные люди получили новые назначения или были отправлены в отставку. Одним из последних свидетелей запустения Стрелецкой слободы на Большой Калужской улице в Замоскворечье стал отставной капитан С. К. Анненков, остававшийся на жительстве в столице еще в 1703 г.⁹¹ Но даже спустя десятилетия горожане, поселившиеся в приходе церкви св. Апостолов Петра и Павла, помнили, что их дома стоят на стрелецкой земле Михайлова полка Протопопова⁹².

Собранный материал о боевом пути 18-го московского стрелецкого полка в какой-то мере компенсирует безвозвратную утрату части документов из архива Стрелецкого приказа, погибшего в огне Троицкого пожара 1737 г. Однако нельзя не отметить, что во многом это стало возможным благодаря поддержке моих коллег – В. С. Великанова, О. А. Курбатова, Р. Б. Ахметова, которым хотелось бы выразить искреннюю признательность за предоставленную возможность ознакомиться с дополнительными источниками по истории полка, выявленными ими в архивных фондах других ведомств.

Особая благодарность И. Б. Бабулину, любезно поделившемуся рукописными материалами своего исследования, в настоящее время готовящегося к печати.

Примечания

- 1 См.: *Забелин И. Е.* Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы (далее – *Забелин И. Е.* Материалы) : в 2 ч. М., 1884. Ч. 1. Стб. 879.
- 2 См.: *Успенский А. И.* Столбцы бывшего Архива оружейной палаты : в 3 вып. М., 1914. Вып. 3. № 1445. С. 677–678.
- 3 См.: *Забелин И. Е.* Материалы. М., 1891. Ч. 2. Стб. 1245.
- 4 См.: Дворцовые Разряды по Высочайшему повелению изданные II-м Отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии. 1612–1628 (далее – Дворцовые Разряды) : в 4 т. СПб., 1850. Т. 1. Стб. 579.
- 5 См.: Там же. Стб. 1006.
- 6 См.: «Подлинные» боярские списки 1626–1633 годов : сборник документов. М. : Древлехранилище, 2015. С. 129, 133.
- 7 См.: *Романов М. Ю.* Командный состав стрелецкого гарнизона Москвы в период возрождения страны после Смуты (1613–1628) // История военного дела : исследования и источники. 2017. Т. IX. С. 129–130. URL: http://www.reenactor.ru/ARN/PDF/Romanov_01.pdf (дата обращения: 06.03.2017).
- 8 См.: Приходо-расходная книга золотых 121–127 гг. в Разряд : Приходо-расходные книги московских приказов. Кн. 1 // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией (далее – РИБ) : в 39 т. М., 1912. Т. 28. Стб. 807.
- 9 Книга сеунчей 1613–1619. Документы Разрядного приказа о походе А. Лисовского (осень – зима 1615 г.) // Памятники истории Восточной Европы (далее – Книга сеунчей) : в 9 т. М. ; Варшава : Археографический центр, 1995. Т. 1. С. 88–89.
- 10 См.: *Забелин И. Е.* Материалы. Ч. 2. Стб. 1114.
- 11 См.: Книга сеунчей. С. 60.
- 12 См.: Рос. гос. арх. древн. акт (далее – РГАДА). Ф. 141. Приказные дела старых лет. Оп. 1. № 31. Л. 240, 245.
- 13 См.: Распросные речи полоняников и доклад по их челобитной о даче им государева жалованья. 1639, октября 30 : Донские дела. Кн. 1 // РИБ. СПб., 1898. Т. 18. Стб. 888.
- 14 См.: *Раздорский А. И.* Конская торговля Москвы в XVII веке (по материалам таможенных книг 1629 и 1630 гг.). М. : Старая Басманная, 2011. С. 40, 90, 138, 154.
- 15 См.: *Сташевский Е. Д.* Смоленская война 1632–1634 гг. Организация и состояние московской армии. Киев : [б.и.], 1919. С. 168.
- 16 Розрядная выпись по челобитью князя Ахамашукова-Черкасского да князя Ефима Мышецкого о пожаловании их за Дорогобужскую службу поместною и денежною придачей // Акты Московского государства, издаваемые Императорской Академией наук : в 3 т. СПб., 1890. Т. 1 (1571–1634). № 696. С. 635.
- 17 Дворцовые Разряды. СПб., 1851. Т. 2. Стб. 530.
- 18 Там же. Стб. 548–549.
- 19 См.: *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века / отв. ред. С. В. Бахрушин. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, Ин-т истории РАН, 1948. С. 265–266.
- 20 Разрядные книги 1598–1638 гг. / сост. : В. И. Буганов и Л. Ф. Кузьмина, М. : Ин-т истории СССР, 1974. С. 315.
- 21 См.: Переписная книга города Москвы 1638 г. М., 1881. Стб. 229.
- 22 Распросные речи полоняников и доклад по их челобитной о даче им государева жалованья. 1639, октября 30 : Донские дела. Кн. 1 // РИБ. Т. 18. Стб. 888–889.

- ²³ См.: Дворцовые Разряды. Т. 2. Стб. 605–607.
- ²⁴ Устинова И. А. Делопроизводственные документы патриарших приказов 1-й половины XVII века : Расходная книга 1640/41 года // Вестн. церковной истории. 2013. № 1–2 (29–30). С. 93.
- ²⁵ Горбатов Е. Н. «Подлинные» боярские списки второй четверти XVII века как источник для биографических сведений о московских чинах // Российская генеалогия : науч. альманах. М. : Новая Басманная, 2016. Вып. 1. С. 95.
- ²⁶ См.: Роспись стрельцам, привёзшим пленного татарина Магмета Резепова из села Коломенского и караулившим его впоследствии в Посольском приказе. 1646, мая 10–24 : Донские дела. Кн. 2 // РИБ. СПб., 1906. Т. 24. Стб. 1064.
- ²⁷ См.: Лезина Е. П. Борьба Российского государства за безопасность южных и юго-восточных границ в XVI–XVII веках. Саранск : [б.и.], 2007. С. 27, 118.
- ²⁸ См.: Устинова И. А. Делопроизводственные документы патриарших приказов 1-й половины XVII века : Оброчная книга пустых церковных земель 1640/41 г. // Вестн. церковной истории. 2017. № 3–4 (47–48). С. 33.
- ²⁹ См.: Забелин И. Е. Материалы. Ч. 2. Стб. 1160, 1161, 1243, 1245.
- ³⁰ См.: Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции : в 21 кн. М., 1894. Кн. 9. С. 127.
- ³¹ См.: Забелин И. Е. Материалы. Ч. 1. Стб. 879.
- ³² Волков В. А. Войны и войска Московского государства. М. : Эксмо ; Алгоритм, 2004. С. 468–469.
- ³³ Астраханские епархиальные ведомости. 1876. № 8. 22 февр. С. 7–8.
- ³⁴ Записная книга Московского стола 1646–1647 г. : Записные книги Московского стола 1636–1663 г. // РИБ. СПб., 1886. Т. 10. С. 329–330.
- ³⁵ См.: Опись архива Разрядного приказа XVII в. СПб. : Дмитрий Буланин, 2001. С. 459.
- ³⁶ См.: Барсуков А. П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия : По напечатанным правительственным актам. СПб., 1902. С. 279.
- ³⁷ Соборное Уложение 1649 г. Текст. Комментарии. Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1987. С. 409.
- ³⁸ Снегирев И. М. Москва. Подробное географическое и археологическое описание города : в 2 т. М., 1875. Т. 1. С. 85.
- ³⁹ Акты о моровом поветрии. 1654–1665 года // Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археологическою комиссией (далее – ДАИ) : в 12 т. СПб., 1848. Т. 3, № 119. С. 490.
- ⁴⁰ РГАДА. Ф. 27. Приказ Тайных дел. Оп. 1. № 102. Л. 11.
- ⁴¹ См.: Романов М. Ю. Указ. соч. С. 143.
- ⁴² См.: «Сметный список» военных сил России 1651 г. // Дворянство России и его крепостные крестьяне XVII – первая половина XVIII в. М. : [б. и.], 1989. С. 21.
- ⁴³ См.: Анонимное шведское сочинение о восстании в Москве в 1648 г. // Городские восстания в Московском государстве XVII в. : сборник документов. М. : Изд-во Гос. публ. ист. библ. России, 2003. № 3. С. 59–60.
- ⁴⁴ См.: Забелин И. Е. Материалы. Ч. 2. Стб. 268.
- ⁴⁵ РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. № 321. Л. 200.
- ⁴⁶ Там же. Л. 196 об., 199 об.
- ⁴⁷ См.: Боярская книга 1658 года / отв. ред. Н. М. Рогожин. М. : Изд. центр Ин-та российской истории РАН, 2004. С. 197.
- ⁴⁸ См.: Белокуров С. А. Дневальные записки Приказа тайных дел : 7165–7183 гг. М., 1908. С. 146.
- ⁴⁹ См.: Записная книга Московского стола 1662–1663 г. : Записные книги Московского стола 1636–1663 г. // РИБ. Т. 10. С. 519.
- ⁵⁰ См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Соловьев С. М. Соч. : в 18 кн. М. : Голос, 1995. Кн. 6, т. 12 (дополнения). С. 671–673.
- ⁵¹ См.: Книги персидских товаров. Книга 1666–1670 гг. : Дела Тайного приказа. Кн. 3 // РИБ. СПб., 1904. Т. 23. Стб. 1512–1514.
- ⁵² См.: Наказная память из Разрядного приказа воеводе П. Урусову, посланного с полком в понизовые города для борьбы с отрядами С. Разина. 1670, июля ранее 10 // Крестьянская война под предводительством Степана Разина : Сб. документов (далее – КВСР) : в 4 т. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1954. Т. 1, № 141. С. 198.
- ⁵³ См.: Отписка полуголовы московских стрельцов А. Карандеева в приказ Новгородской четверти о передаче купленных и построенных им судов в полки воеводы П. Урусова. 1670, августа между 22 и 31 // КВСР. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1957. Т. 2, ч. 1. № 13. С. 21.
- ⁵⁴ См.: Записные книги. 1670 г. июнь : Дела Тайного приказа. Кн. 1 // РИБ. СПб., 1907. Т. 21. Стб. 1523.
- ⁵⁵ См.: Отписка полкового воеводы Д. Барятинского в приказ Казанского дворца о его действиях по подавлению восстания в Свияжском, Цивильском, Чебоксарском и Козьмодемьянском уездах. 1670, ноября 5 // КВСР. Т. 2, ч. 1. № 202. С. 244.
- ⁵⁶ См.: Отписка полкового воеводы Д. Барятинского в приказ Казанского дворца о восстании в Козьмодемьянском уезде. 1617, ноября 17 // КВСР. Т. 2, ч. 1. № 232. С. 281.
- ⁵⁷ См.: Росписи ратных людей полка воеводы Д. Барятинского, раненых, убитых и находящихся в строю. 1671, января 11 // КВСР. Т. 2, ч. 1. № 401. С. 522.
- ⁵⁸ См.: Белокуров С. А. О цветах кафтанов московских стрельцов 17 в. // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1901. Кн. 4, Отд. IV. Смес. С. 32.
- ⁵⁹ См.: Сказка всяких чинов людям о сдаче Астрахани восставшими и ликвидации восстания. 1672, января 15 // КВСР. М., 1962. Т. 3. № 166. С. 184.
- ⁶⁰ Память из Разрядного приказа в Малороссийский приказ о наградах, данных полковникам и головам московских стрельцов за участие в подавлении восстания С. Разина. 1672, сентября не ранее 7 // КВСР. Т. 3, № 224. С. 252.
- ⁶¹ См.: Белокуров С. А. Планы г. Москвы XVII в. М., 1898. С. 55, 58.
- ⁶² См.: Книги разного содержания : Дела Тайного приказа. Кн. 3 // РИБ. Т. 23. Стб. 1619.
- ⁶³ См.: Заметки о России, сделанные Эриком Пальмквистом в 1674 году. М. : Ломоносов, 2012.

- ⁶⁴ См.: Дворцовые Разряды. СПб., 1852. Т. 3. Стб. 1381.
- ⁶⁵ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 14. Ч. 1. Столбцы Севского стола. № 288. Л. 645.
- ⁶⁶ См.: *Новохатко О. В.* Разряд в 185-м году. М.: Памятники исторической мысли, 2007. С. 151.
- ⁶⁷ См.: *Эскин Ю. М.* Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. М.: Квадрига, 2009. С. 97.
- ⁶⁸ *Новохатко О. В.* Указ. соч. С. 243.
- ⁶⁹ Разсылка дел по другим приказам. 1681 г.: Дела Тайного приказа. Кн. 1 // РИБ. Т. 21. Стб. 492.
- ⁷⁰ См.: *Великанов В. С., Нечитайлов М. В.* «Азиатский дракон перед Чигирином». Чигиринская кампания. 1677. М.: Фонд «Русские витязи», 2018. С. 137–138.
- ⁷¹ См.: *Седов П. В.* Оборона Чигирин в 1677 г.: Распросные речи полуголовы московских стрельцов Алексея Матвеева сына Лужина об обороне Чигирин // Российское государство в XIV–XVII вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 501–502, 506.
- ⁷² См.: Записная книга Московского стола, 1678–1679 г.: Записные книги Московского стола. I. 1663–1664 г. II. 1678–1679 г. // РИБ. СПб., 1889. Т. 11. С. 417, 491.
- ⁷³ Именный, сказанный полковникам, полуполковникам и капитанам московских стрелецких приказов, пожалованным в сии чины из голов, полуголов и сотников. 1680, марта 25 // Полн. собр. законов Российской империи. Собр. первое (далее – ПСЗ): в 45 т. СПб., 1830. Т. 2. № 812. С. 253–254.
- ⁷⁴ См.: Запись в Приказе надворной пехоты о выдаче жалованья московским стрельцам на 191 год. 1682, ноября не ранее 5 // Восстание в Москве 1682 г.: сборник документов. М.: Наука, 1976. № 180. С. 234.
- ⁷⁵ *Буганов В. И.* Московские восстания конца XVII в. М.: Наука, 1969. С. 320–321.
- ⁷⁶ Акты о походах донских казаков на калмыков и астраханских юртовских татар. 1682, ноября 4–1683, июня 18 // Дополнения к Актам историческим. СПб., 1867. Т. 10, № 49. С. 152–153, 156.
- ⁷⁷ См.: Докладная выписка об удалении из Москвы ненадежных стрельцов и поселении их по городам. 1683, декабря 30 // Восстание в Москве 1682 г. № 205. С. 273–274.
- ⁷⁸ См.: Роспись сыскным делам Стрелецкого приказа. Столп 191–192 годов // Розыскные дела о Федоре Шаковитом и его сообщниках: в 4 т. СПб., 1884. Т. 1. Приложение 2. № 2. Стб. 459.
- ⁷⁹ Москва. Актовые книги XVIII столетия: в 10 т. М., 1895. Т. 3, № 705. С. 200.
- ⁸⁰ См.: РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 63. Книги Киевского стола. № 16. Л. 25.
- ⁸¹ Там же. Л. 11, 12 об. 13.
- ⁸² См.: *Гордон Патрик.* Дневник. 1690–1695. М.: Наука, 2014. С. 347.
- ⁸³ Там же. С. 393.
- ⁸⁴ См.: Смета о числе начальствующих лиц, стрельцов, солдат, тяглецов, долженствующих прибыть в Троицко-Сергиевский монастырь // Розыскные дела о Федоре Шаковитом ... Т. 1. Приложение 1. № 19. Стб. 317–318.
- ⁸⁵ Библиотека Академии наук, отдел рукописей, собрание Петра I (БАН ОР П I). Б № 2. Л. 44–50.
- ⁸⁶ См.: Хронологический указатель действий русской армии и флота: в 5 т. СПб., 1908. Т. 1. С. 2.
- ⁸⁷ См.: РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 9. Столбцы Московского стола. № 1006. Л. 132.
- ⁸⁸ См.: *Желябужский И. А.* Дневные записки // Рождение империи. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 286.
- ⁸⁹ См.: *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого: в 4 т. СПб., 1858. Т. 2. С. 302–303.
- ⁹⁰ Именный, объявленный из приказа Земских Дел приказу Военных дел. 1704, апреля 11 // ПСЗ. СПб., 1830. Т. 4. № 1979. С. 257.
- ⁹¹ Москва. Актовые книги XVIII столетия. М., 1892. Т. 1. № 2090. С. 287.
- ⁹² Там же. М., 1895. Т. 3. № 110. С. 408, № 149. С. 411.

Образец для цитирования:

Романов М. Ю. «И на боях бились, не щедя голов своих...» (опыт реконструкции истории 18-го московского стрелецкого полка) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 149–160. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-149-160>

Cite this article as:

Romanov M. Yu. «On the Battles they Fought, not Sparing their Own Heads...» (The Experience of Reconstructing the History of the 18th Moscow Strelets Regiment). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 149–160 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-149-160>